

**Мясницкий Иван Ильич**

**Самой красивой женщине и  
другие рассказы**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8  
ББК 84-4  
И17

И17     **Иван Ильич М.**  
Самой красивой женщине и другие рассказы / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга  
по Требованию, 2023. – 311 с.

**ISBN 978-5-519-98454-6**

**ISBN 978-5-519-98454-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



На той же Дворянской улицѣ помѣщаются самыя лучшіе магазины, гдѣ можно достать все, начиная съ брильянтовъ и кончая дегтемъ; парикмахерская съ вывѣскою „Парикмахерскій салонъ изъ Москвы“, мужской портной „Tailleur Thomas Efremoff“ и первая портниха „Мадамъ Полина изъ Минангуа“.

Эта послѣдняя вывѣска появившейся въ Захолустьевѣ новой портнихи, написанная мѣстнымъ „художникомъ вывѣсокъ“, произвела въ свое время сенсацию.

Многіе захолустьевцы долго ломали себѣ голову относительно того, въ какой странѣ находится городъ Минангуа, и, не рѣшивъ этого вопроса, обратились за разрѣшеніемъ къ учителю географіи, обучавшему ихъ ребятъ въ уѣздномъ училищѣ.

Учитель географіи, Онуфрій Михайловичъ Мечтателевъ, знавшій географію гораздо лучше, чѣмъ амурныя шаши своей молоденькой жены, долго и глубокомысленно смотрѣлъ на явившихся за разрѣшеніемъ географическаго вопроса обывателей, затѣмъ проговорилъ мягко и кротко:

— Такого города нѣтъ.

— Не можетъ быть, — горячились обыватели, — на Дворянской улицѣ явилась новая портниха, и у ней на вывѣскѣ ясно начертано: „Мадамъ Полина изъ Минангуа“.

— Изъ Минангуа? — озадачился учитель географіи.

— Да, да!

— Гмъ! Странно. Надо вывѣску посмотреть.

И учитель, несмотря на то, что былъ адмиральскій чинъ, и на столѣ стоялъ граненый графинчикъ съ звѣробойною настѣйкой и тарелка съ отварными рыжиками, величиною съ сере-

бряный пятачекъ, одѣлся быстро и направился въ сопровожденіи искавшихъ отечество портнихи на Дворянскую улицу.

Простоявъ съ четверть часа передъ вывѣской „Мадамъ Полина изъ Минангуа“, онъ развелъ руками и проговорилъ:

— Надо посмотрѣть въ учебникахъ! Прошу зайти ко мнѣ за отвѣтомъ завтра.

Придя домой, Онуфрій Михайловичъ пообѣдалъ наскоро и зарылся въ свои учебники и руководства. Къ великому изумленію почтеннаго географа, и тамъ не оказалось такого города.

— Это удивительно, — бормоталъ онъ, тревожа запыленные учебники, — нигдѣ нѣтъ! Несомнѣнно, Минангуа — городъ американскій, а въ Америкѣ-то его и нѣтъ... Надо просмотрѣть карту Америки...

Всю ночь провозился Онуфрій Михайловичъ съ картами и въ великомъ смущеніи заснулъ на разсвѣтѣ.

— Такого города нѣтъ, — неувѣренно заявилъ онъ явившимся къ нему за отвѣтомъ обывателямъ, — ваша портниха этотъ городъ сочинила сама.

Любопытные, однако, такимъ рѣшеніемъ не удовлетворились и отправились къ Ипполиту Аполлоновичу, который, хотя и былъ только учителемъ рисованія, но слылъ за большого ученаго, потому что выписывалъ изъ Петербурга „Вѣстникъ Европы“, а изъ клубской бібліотеки бралъ для чтенія книги, исключительно философскаго содержанія.

— Минангуа? — поднялъ онъ голову кверху. — Позвольте... да это индійское божество, господа...

— Божество? Не можетъ быть, милѣйшій Ипполитъ Аполлоповичъ! — запротестовали любопытные.

— Почему не можетъ быть? Вы имѣете понятіе о буддизмѣ?

— Не имѣемъ, но... какъ же это такъ: портниха, и вдругъ изъ божества?

— Какая портниха? И на кой чортъ ваша портниха индійскому божеству?

— А вы развѣ не видали на дворянской улицѣ вывѣску только что поселившейся у насъ портнихи.

Учитель рисованія былъ сангвиническаго темперамента и пылилъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Запылилъ и тутъ.

— Позвольте, господа, что-нибудь одно: или вы пьяны, или я. Я, во всякомъ случаѣ, не пьянъ, потому что пью только за обѣдомъ и послѣ обѣда, за ужиномъ и послѣ ужина, а такъ какъ теперь только семь часовъ, а я ужиною въ девять, слѣдовательно...

— И мы тоже не пьемъ, — посигѣшили его успокоить любопытные, — успокойтесь, пожалуйста...

— Въ такомъ случаѣ, за какимъ же дѣломъ вы суете мнѣ какую-то портниху? Портнихи совсѣмъ не по моей части. Я когда молодъ былъ, и тогда портнихами пренебрегалъ...

— Позвольте, добрыйшій Ипполитъ Аполлоновичъ, дѣло не въ портнихѣ, — разъясняли ему любопытные обыватели, — а въ вывѣскѣ, гдѣ начертано: „Мадамъ Полина изъ Минангуа“. Понимаете? Вотъ намъ и хотѣлось бы знать, что это такое: городъ или отечество? Если городъ, то въ какомъ онъ находится отечествѣ?

— А, это другое дѣло! Разъ она портниха, ясно — у нея нѣтъ ничего общаго съ индійскимъ божествомъ. А города съ такимъ назва-

ніемъ я не знаю. Обратитесь къ Онуфрію Михайловичу, географія по его части.

— Были и у Онуфрія Михайловича. Увѣряетъ, что такого города нѣтъ.

— Нѣтъ! Такъ за какимъ же чортомъ вы ко мнѣ пришли? Что я — профессоръ? энциклопедистъ? членъ академіи наукъ? Это чортъ знаетъ что такое!

Любопытные выскочили отъ сангвиника и уже на улицѣ стали его ругать и дуракомъ и свиньей, не имѣющимъ понятія о вѣжливомъ обхожденіи съ порядочными людьми. Географическій вопросъ, волновавшій обитателей Захолустьева цѣлую недѣлю, былъ разрѣшенъ, наконецъ, самой портнихой, объяснившей первой же явившейся къ ней заказчицѣ, что она совсѣмъ не „изъ Минангуа“, а только „отъ Минангуа“, и что предлогъ „отъ“ превратился въ „изъ“, благодаря художнику вывѣсокъ Лазуреву, злоупотреблявшему напитками и поэтому путавшему на вывѣскахъ не только предлоги, но даже и имена существительныя.

Захолустьевцы успокоились, но, проходя по Дворянской улицѣ, при взглядѣ на вывѣску, всегда говорили:

— „Отъ“ надо, а не „изъ...“ Охъ, ужъ эти художники!..

На той же улицѣ находился соборъ, благолѣпно украшенный усердіемъ захолустьевцевъ, дома соборнаго причта и мѣстной аристократіи, съ генеральшей Беззубовой во главѣ. Генеральша эта овдовѣла на сорокъ восьмомъ году своей жизни и, оплакавъ своего мужа, игравшаго когда-то большую роль въ „самомъ“ Петербургѣ, занялась ухаживаніемъ за офицерами расквартированного въ Захолустьевѣ полка. Офицеры были въ восторгѣ отъ ея обѣдовъ и

пикниковъ, а неутѣшная вдова, позабывъ свои года, не шутя считала себя красавицей, способной кружить головы и плѣнять сердца.

Противъ дома генеральши находилось захолустьевское почтовое отдѣленіе. Почтмейстеръ, Меѳодій Анемподистовичъ Ритуаловъ, очень худой и очень лысый субъектъ, слылъ за прекраснѣйшаго человѣка и примѣрнаго семьянина. Онъ совсѣмъ не походилъ на свой прототипъ, гоголевскаго Шпекина, и ни разу въ теченіе своей болѣе чѣмъ четвертьвѣковой службы почтмейстеромъ не позволилъ себѣ полюбопытствовать, что пишутъ къ захолустьевцамъ и что отписываютъ захолустьевцы.

Даже во время „ловли“ корреспондента, описавшаго въ одной изъ столичныхъ газетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ Захолустье и его обитателей, у него, несмотря на просьбы чиновниковъ, которымъ больше другихъ влетѣло въ корреспонденціи, не поднялась рука па „подозрительныя“ письма.

Несмотря на то, что Меѳодій Анемподистовичъ былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ и вѣчно ворчливою и ничѣмъ недовольною супругой, онъ никогда не жаловался на судьбу и всегда былъ веселъ, болтливъ и добродушенъ.

По службѣ онъ былъ аккуратенъ до крайности, строгъ къ подчиненнымъ, а внѣ службы считался за самаго лучшаго товарища.

У него были двѣ привычки, отъ которыхъ онъ никогда не могъ отучить себя: это — плевать при встрѣчѣ съ знакомымъ въ сторону и пересыпать разговоръ словами: „съ вашего позволенія!“

Его такъ и звали:

— А, „съ вашего позволенія“, какъ поживаете?

— Да ничего-съ,—отвѣчалъ обыкновенно Меѳодій Анемподистовичъ, — недурно, съ вашего позволенія...

Даже на исповѣди, во время говѣнья, на первой седмицѣ Великаго поста, онъ не могъ удержать свой языкъ отъ этой поговорки и, каясь своему духовнику, отцу протопопу, въ грѣхахъ, всегда съ глубокимъ вздохомъ приговаривалъ:

— Грѣшенъ, батюшка, съ вашего позволенія!

— То-есть какъ же это съ моего? — озадачивался въ первую минуту отецъ протопопъ, но затѣмъ, вспомнивъ его привычку, говорилъ, склоняя голову:—Продолжай, сынъ мой!..

Мирно текла жизнь добродушнаго почтмейстера, какъ и большинства захоlustьевцевъ, нынче — какъ вчера, завтра — какъ сегодня, ни тревогъ ни волненій.

И кто бы могъ подумать, что Меѳодій Анемподистовичъ, этотъ добродушнѣйшій въ мірѣ человекъ, взбудоражитъ весь городъ и перевернетъ въ немъ все вверхъ дномъ.

Случилось это такъ.

Въ одно скверное, дождливое сентябрьское утро Меѳодій Анемподистовичъ, торопливо перепрыгивая лужи и черпая калошами грязь, добрался, наконецъ, до своей почтовой конторы. Наканунъ онъ завинтился у протодіакона, котораго захоlustьевцы за его мощный голосъ, подобный іерихонской трубѣ, выписали чуть ли не за три тысячи верстъ, и проспалъ сверхъ положеннаго срока слишкомъ часъ.

Попенявъ супругѣ за то, что та его не разбудила во-время, онъ проглотилъ, обжигая губы, стаканъ чаю и, одѣваясь на ходу, пустился къ мѣсту своего служенія.

Когда онъ вошелъ въ контору, весь почтовый штатъ былъ уже на мѣстѣ и занимался своимъ дѣломъ.

Меоодій Анемподистовичъ поздоровался со всѣми и, пробормотавъ своему помощнику:

— Опоздалъ, батенька, съ вашего позволенія, — сѣлъ за свой столъ.

На столѣ лежало письмо.

— Что это? — спросилъ онъ у помощника.

— Письмо изъ Петербурга. Станный адресать только... прочтите...

Почтмейстеръ взялъ въ руки письмо и осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ. Письмо какъ письмо. Узенькій конвертъ съ сургучною печатью, на уголкѣ почтовая марка.

— Иванъ Демьянычъ, — крикнулъ почтмейстеръ своему помощнику, — я не понимаю, съ вашего позволенія.

— Да вы прочтите, Меоодій Анемподистовичъ.

Почтмейстеръ надѣлъ на носъ пенснэ и поднесъ конвертъ къ самому носу. На конвертѣ мелкимъ, но красивымъ почеркомъ было написано:

*Самой красивой женицѣ города Захолустьева,  
Заброшенной губерніи.*

И только!

## II.

— Станный адресать! — подумалъ вслухъ почтмейстеръ, разсматривая сургучную печать, на которой подъ княжескою короной рельефно были вытиснуты два стоявшихъ на заднихъ лапахъ льва.

— Весьма загадочный, — отозвался его помощникъ, взявъ письма и посмѣиваясь себѣ въ

клинообразную бородку. — А любопытно все-таки, кому вы это письмо выдадите.

— Кому? Разумѣется, „самой красивой женщиной“ нашего города и выдамъ.

— А кто у насъ „самая красивая женщина“, Меѳодій Анемподистовичъ?

— Кто? — переспросилъ почтмейстеръ, задумываясь. — А вѣдь вы правы, Иванъ Демьянычъ: вопросъ, съ вашего позволенія, затруднительный...

— И очень-съ... враговъ и многихъ враговъ изъ дамскаго пола чрезъ это письмо нажать себѣ можете...

— Это еще почему-съ?

— А потому-съ, Меѳодій Анемподистовичъ, что кто же изъ нашихъ дамъ не считаетъ себя и лучше и красивѣе всѣхъ остальныхъ?..

— Гмъ, чортъ возьми!.. Это того-съ, съ вашего позволенія... на правду похоже... Что же дѣлать, какъ вы думаете?

— Да я бы, на вашемъ мѣстѣ, не показывая никому этого письма, отправилъ его обратно въ Петербургъ, за „ненахожденіемъ адресата...“

— Глупости городите, батенька! — замахалъ обѣими руками почтмейстеръ; — весь Петербургъ смѣяться станетъ, да еще газеты подцѣпять и процыганять: „хорошъ, скажутъ, городъ Захолустьевъ: ни одной красивой женщины въ немъ не оказалось, все уродъ на уродъ, съ вашего позволенія...“ Да тогда меня наши захоlustьевники живьемъ съѣдятъ...

— Хорошо-съ... Въ такомъ случаѣ, кому же именпо вы это письмо передадите? Генеральшѣ Беззубовой развѣ?

— Хватили, Иванъ Демьянычъ! Да у пей, съ вашего позволенія, больше полвѣка на гене-

ральскихъ плечахъ... и плечики-то ужъ давно морщиться да желтѣть стали, точно ихъ полотеры воскомъ каждую субботу натирають...

— Андросова вотъ тоже очень красивая дама.

— Аглая Никаноровна-съ? Не нахожу-съ. Положимъ, она, съ вашего позволенія, дама съ авансами, по косить глазами весьма непозволительно... Марья Семеновна, по моему личному мнѣнію, процентовъ на сорокъ выше исправничихи...

— Какая Марья Семеновна? У насъ ихъ три: супруга акцизнаго, супруга податнаго инспектора и жена купца Пентюхова.

— Я имѣю въ виду именно Пентюхову. Роскошная бельфамъ и хлѣбосолка, съ вашего позволенія... а какъ винтитъ! Я вчера съ ней у отца протодьякона шесть робберовъ сыгралъ, и сыгралъ, доложу я вамъ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Баба вотъ, съ вашего позволенія, купчиха, а ни одной опибки!

— Какъ ни одной, Меѳодій Анемподистовичъ! Да у нея до свадьбы еще сколько ошибокъ было, — это весь городъ знаетъ...

— Эхъ, Иванъ Демьянычъ, чортъ знаетъ съ какого конца у васъ голова затесапа!.. Я вамъ про винтъ говорю, съ вашего позволенія, а вовсе не про бабьи слабости, присущія ихъ дамской натурѣ... во всякомъ случаѣ. Пентюхова — весьма и весьма красивая женщина...

— Не согласенъ. Во-первыхъ, у ней трехъ-этажный подбородокъ...

— Ничего вы, Иванъ Демьянычъ, не смыслите! — заерзалъ на стулѣ почтмейстеръ. — Извините, съ вашего позволенія, разъ вы женаты только годъ, не можете вы безпристрастно

критиковать дамскія прелести... я вотъ могу, потому что я женатъ чуть не двадцать пять лѣтъ и могу быть самымъ хладнокровнымъ экспертомъ...

— Но все-таки, Меодій Анемподистовичъ, какъ хотите, а трехъэтажный подбородокъ хороше только у рождественской свиньи, по никакъ ужъ не у „самой красивой женщины“, — горячо отстаивалъ свое мнѣніе Иванъ Демьянычъ.

— Вамъ подбородокъ Марьи Семеновны не нравится? А вы спросите Пентюхова, нравится ему подбородокъ жены или нѣтъ...

— И ему не нравится...

— Вы это откуда же, съ вашего позволенія, знаете?

— Все оттуда же. Если бы нравился, не сталъ бы онъ ходить по вечерамъ въ Мутный переулочекъ, въ домъ Навозова.

— А вы видѣли?

— Видѣть — не видалъ, но Марья Семеновна, говорятъ, его въ этомъ переулкѣ при всей публикѣ калошами отшлепала...

— Говорятъ, говорятъ... да кто говорить-то, съ вашего позволенія?

— Весь городъ, Меодій Анемподистовичъ...

— Сплетни, все сплетни, — махнулъ рукой почтмейстеръ и, осмотрѣвъ еще разъ питерское письмо, осторожно опустилъ его въ карманъ. — Надо того... съ женой посоветоваться, — рѣшилъ онъ, здороваясь съ только что пришедшею въ почтовое отдѣленіе дамой, оказавшейся супругой городского архитектора, извѣстной въ городѣ подъ именемъ „газеты“.

Архитекторъ Нилъ Герасимовичъ Прожектовъ, несмотря на то, что считался въ Захолустьевѣ самымъ искуснымъ строителемъ, блестяще раз-